

окна, но их никто не слушал. А фашистский отряд тем временем подошел вплотную к деревне. На несколько мгновений установилась тишина, а затем разъяренные и напуганные сельчане в отчаянии бросились на захватчиков.

Через каких-то сорок минут все местные жители были выстроены в ряд вдоль стены загона для крупного рогатого скота, они были повернуты лицом к стене, руки сцеплены за головой. А напротив этой шеренги стояли немцы с винтовками в руках. И казалось, что судьба деревни решена: дома сжечь, а жителей расстрелять. Но в этот самый момент, когда каждый уже был готов принять смерть, произошло чудо, которое никто не ожидал. Мимо деревушки на велосипеде проезжал переводчик с немецкого языка. К сожалению прабабушка так и не смогла вспомнить его имени и фамилии. Но именно этот человек решил всю судьбу деревни. Никто так до сих пор и не знает, о чем он говорил с главной немецкого отряда, как он убедил фашистов отпустить жителей, но все точно знают, что если бы не этот человек, то деревни бы больше не было. По словам сельчан, немец и переводчик разговаривали очень долго, а после их разговора немец приказал своим солдатам убрать винтовки и отпустить жителей. Конечно, они забрали большую часть провизии, и пару голов скота, но это ничто, по сравнению со спасенными жизнями залужан.

Мы ещё долго сидели в оцепенении после прабабушкиного рассказа, не в силах сказать и слова. В глазах взрослых стояли слезы, а мы, дети, были просто ошарашены услышанным, ведь такую живую историю нам в школе не расскажут. Прабабушка, увидев наши лица, решила развеять нахлынувшую грусть и предложила всем выпить чаю с куличом и вишневым вареньем. Вся семья с радостью поддержала её инициативу, и мы отправились хлопотать на кухню, каждый погруженный в свои мысли. Ещё не одну военную историю нам предстояло услышать, но именно эта накрепко засела у меня в памяти.

Кацубинская Виолетта,
студентка факультета
«Высшая школа туризма»

Война глазами дедушки

Война – это ужасное слово, которое сломало тысячи судеб и унесло миллионы жизней... К сожалению, мы, современная молодежь, все чаще забываем, какой ценой нашим дедушкам, прадедушкам досталась эта победа. Но это нужно знать и помнить, дабы такое не повторилось вновь... У всех у нас было веселое и беззаботное детство с

ярким солнцем и мирным небом над головой, а у «детей войны» судьба сложилась иначе...

Мой дедушка родился в 1927 году. Сейчас ему 87, на начало войны было ему всего 14 лет, и в эти годы его счастливое детство прервалось... Я попросила его рассказать о своей жизни в военные – он призадумался, на глазах появились еле заметные слезы, и дрожащим голосом он начал свой рассказ:

«До начала Великой Отечественной войны проживал я в поселке Серый Камень. Поселок наш, прилегая к большому лесному массиву, протянулся в одну улицу от шоссе и не дотянул только метров 600 до железной дороги, до разезда «Осва». Вот за этой железной дорогой и пошли лесные массивы со своими лесами и перелесками и ютившимися там деревушками, приводившие в так называемые Муховские, а затем в Брянские леса.

И вот эту зону, созданную самой природой, и освоили народные мстители для борьбы с ненавистным врагом – немецко-фашистскими захватчиками – с осени 1941 г. Мое негативное отношение к войне появилось сразу после ее начала, нарушившая мирный уклад жизни с ее планами. Наши дни теперь проходили так: варварские бомбежки и пулеметные обстрелы; первые трупы, число которых увеличивалось с каждым днем.

Сразу же после оккупации фашистами был установлен суровый режим: за каждое проявление неповиновения, за укрывательство и пособничество пленным красноармейцам и из числа их, так называемых окруженцев, которые тайными тропами пробирались на соединение со своей армией, у фашистов было одно наказание – расстрел.

В этих условиях наше отроческое поколение, сразу став взрослым, и, понимая, что к чему, осознано, что единственный и правильный выход из создавшегося положения – это борьба с ненавистным врагом, вторгшимся в нашу мирную жизнь. Несмотря на жестокий террор, мы, мирные люди, всячески помогали своим людям, попавшим в беду: прятали, кормили и снаряжали для дальнейшего продвижения.

По семейному раскладу я начал работать на шоссе на дороге «Варшавка» вместо брата, а они с матерью занялись сельхозработами.

Осенью 1941 года по нашей «Варшавке» немцы гнали в свой фатерланд ну явно большое количество пленных красноармейцев, и эти колонны несчастных людей всегда останавливались на ночевку на залуженном поле у нашего поселка. Жуткая картина... Голодные, изможденные, усталые люди, среди которых большое количество заболевших... и вот после прохождения и ночевки таких колонн, сколько захоронений приходилось нам производить... Но злой рок 1941 года продолжался...

Однажды в ноябре месяце в субботний день немцы пригнали на уже известное поле очередную большую колонну военнопленных для

ночлега. Внешняя температура за минус 20, пронзительный ветер и снежная крупа действовали на голодных людей в ветхих шинелишках, как расстрельная команда, да и на самом деле, непрерывная стрельба охранной команды слышалась на протяжении всей ночи... Люди были обречены: либо быть расстреляны, либо погибнуть от холода, и тогда, пренебрегая опасностью, обреченные задворками, ринулись в деревню стучаться в окна. «Мати, пусти, погибаем» А в деревне немцы на улицах, патрули. Мама, ссылаясь на жесткий приказ, в панике – «Ну как же, сынки, я вас впусти, в деревне же немцы, придут, постреляют и вас, и нас».

Вот тут-то моя юная смекалка и сработала. Как я уже упомянул, что был субботний день, сельчане топили бани для мытья, а русская баня, как известно, всегда с первоклассной парилкой, вот этот аргумент я и использовал... Быстро натянул козушок и вышел к своим обреченным, рассказал им об прекрасной перспективе и, проследив за движением патруля, завел их в соседскую баню, расположенную около леса... Их благодарностям не было предела. Только я вернулся домой, а уже дома топчется следующая партия, но этим я уже показал дорогу, а сам добравшись до постели, провалился от нервного перенапряжения.

Наутро захотел посмотреть своих подопечных. Явившись в баню, и увидел я, говоря армейским языком, больше взвода людей, занявших все возможные и невозможные места бани. Многие из них безмятежно спали, остальные, как я понимаю, думали горькую думу – «А что же дальше?».

А у меня появилась новая шальная мысль, как бы подкормить голодных людей... Через дом от моего дома стояла немецкая кухня, часто квартировавшие немцы-повара от излишка сваренного передавали нам свои излишки, и я рискнул, пошел на кухню и, обратившись к повару: «Пан, суп».– «О, я (говоря по-русски – давай ведро)...». Побежав домой и быстро схватив ведро, которое было без дужки, я побежал на кухню, и повар заполнил ведро подвязку горячим супом... И поскольку ведро без дужки, я, держа за ободок перед собой ведро, обжигаясь, направился в сторону дома, а потом, тщательно осмотревшись, двинулся в сторону леса к бане. Естественно, мои подопечные изрядно обрадовались, тут же нашлась консервная банка и началась дележка, как вдруг явилась хозяйка бани и тут же обрушилась грубой бранью на всех присутствовавших. Один пожилой солдат пытался ее урезонить: « Мати, мати, Россия гибнет». – «Что мне твоя Россия» – сказала старая ведьма и побежала домой, а рядом кухня и фашисты. Тут я и заговорил: Дядьки, дело плохо, надо уходить...». А как и куда?

В апреле 1942 года, находясь в лесном массиве, расположенном невдалеке от нашей деревни, я повстречался с незнакомыми мне людьми, под одеждой у которых угадывалось оружие. После обстоятельного знакомства, узнав о том, что я работаю на шоссейной

дороге, тут же предложили мне быть у них связным и передавать им сведения о продвижении немецкого транспорта по данной дороге. Поняв, что со мной встретились партизанские разведчики, я проникся к ним с глубоким доверием, почувствовав себя натуральным участником вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, вторгшимися в нашу Родину. Со мной был проведен тщательный инструктаж о правилах конспирации, кодировании сведений, марках и эмблемах транспорта и др. Был подобран почтовый ящик (тайник), куда я должен опускать добытые сведения. Такие сведения я должен также собирать и по железной дороге.

Воодушевленный таким доверием, я самостоятельно начал заниматься пропагандистской работой и после поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом я прямо на рабочем месте устроил импровизированный митинг по этому поводу и... провалился... не заметил тихо подошедшего профашистски настроенного поляка, который тут же выдал меня немцам, которые избili меня прямо на рабочем месте и увезли в Звенчатскую Комендатуру Климовичского р-на, Могилевской обл., где, продержав неделю, морили голодом, выбивали из меня признания о моих связях и ничего не добились. Решили вопрос отправки меня в Кричевский концлагерь, и если бы моя мать своевременно не сбавила год возраста я бы туда попал...

Вскоре гарнизон фашистов был уничтожен. На что реакция фашистов не замедлила сказаться... В нашу и окружающие деревни прибыли каратели, и после тщательных поисков, и, не найдя улик, взяли в заложники все мужское население, включая и подростков, и, окружив плотным кольцом автоматчиков, погнали в ту же расстрельную Звенчатскую комендатуру. Положение наше было незавидное, каждый мысленно и воочию прощался с жизнью... Пробыв весь день на расстрельном поле, мы наблюдали, как понаехавшие высокие чины решали нашу судьбу... И судьба в тот апрельский день была для нас милостива. Прибывшие наши матери, жены, сестры «выкупили» нас, и нас отпустили.»

Корневская Мария,
студентка факультета
финансов и банковского дела

Тревожное эхо войны

«Едва ли не самый солнечный выдался тогда день. Помню, наконец мы с Ниной могли вдоволь набегаться по двору: папа почему-то боялся

22

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.
□□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□
□□□□□□□□. □□□□□□□□.